Букаренко С.Г.**Использование статистических данных при изучении местоимений**

*Таганрогский институт имени А.П.Чехова (филиал) ГБОУ ВО «Ростовский
государственный экономический университет (РИНХ)»
(Россия, Таганрог)*

doi: 10.18411/spc-26-07-2020-02

idsp: sciencepublic-26-07-2020-02

Аннотация

Рассматривается проблема выявления принципов отбора носителями русского языка личных местоимений для включения их в структуру фразеологизмов. Анализ опирается на статистические показатели.

Ключевые слова: личные местоимения; количественные доминанты; частотные словари; фразеологизмы; коммуникативные стратегии.

При изучении местоимений основной акцент делается на рассмотрении их как системы, но ещё недостаточно исследуется функционирование её в целом, а также её элементов в статистическом аспекте. Данные этого аспекта важны потому, что они позволяют предположить о существенном для носителей русского языка. Чем выше частотность местоимения, тем более необходимым является то указание, которое осуществляется с помощью этого местоимения. Однако есть разные уровни значимости. Самый высокий уровень, думается, должен быть представлен во фразеологической системе как фиксирующей наиболее типичные ситуации, поскольку они закреплены во фразеологизме. Поэтому столь необходимо обращение к статистическим данным о функционировании местоимений во фразеологизмах. Сопоставление полученных данных со статистическими данными частотных словарей может способствовать выявлению тех местоимений и их форм, которые, подвергаясь необходимым изменениям, связанным с трансформацией их указания, включаются в структуру фразеологизма, участвуя в его образовании. Поэтому о местоимениях во фразеологизмах нужно говорить с учётом сказанного.

Объём анализируемого в данной статье материала ограничен личными местоимениями, входящими в структуру фразеологизмов. Важно отметить, что в научной литературе существует узкое и широкое (в разной степени) понимание этого объема. В данной статье принята первая точка зрения, изложенная в «Русской грамматике»: «К личным местоимениям-существительным (далее личным местоимениям) относятся слова *я, ты, мы, вы, он (она, оно, они)* [7, с.531]. Широкое понимание представлено, например, в работах А.М. Пешковского: «...л и ч н ы е местоимения: *я (меня, мне, мной), мой, по-моему, ты, твой, по-твоему, он (она, оно, его, ему, ей и т.д.), егоный (народное), ейный (народное), по-его, мы (нас, нами, нам), наш, по-нашему, вы, ваш, по-вашему, они (их, им, ими), ихний (почти литературное), по-ихнему*» [6, с. 156]; см. также [11, с. 49].

При понимании личных местоимений в указанном узком смысле можно утверждать, что все они используются для формирования фразеологизмов: *не я буду, знаем мы вас, будь ты неладен, наше вам с кисточкой, будь он* [она, оно, они] *неладен*. Количество повторений всех личных местоимений во «Фразеологическом словаре русского языка» (далее «ФСРЯ») [9] равно 129. При этом надо иметь в виду, что такие обороты с личными местоимениями иногда относят не к фразеологизмам, а к крылатым выражениям с таким обоснованием: «Личные местоимения – это именно та часть речи, которая для фразеологизмов не годится, так как у оборотов всегда значение обобщённое, а у личных местоимений конкретное. Поэтому и во фразеологических

словарях мы можем найти только крылатые выражения с личными местоимениями, которые многие исследователи тоже причисляют к фразеологическим оборотам» [4].

Анализ материалов указанного фразеологического словаря показал следующее количественное соотношение в употреблении местоимений в структуре фразеологизмов: *он* (*он, она, оно, они* [7, с.531-533]) – 55 употреблений (42,6 0% от 129); *ты* – 29 (22,5%); *я* 21 (16,3%); *вы* 17 (13,2%); *мы* 7 (5,4%). В результате получается следующая частотная нисходящая последовательность, построенная по отношению к частотности местоимения *он*: *он* (55 употреблений) – *ты* (в 1,9 раза реже) – *я* (в 2,6 раза) – *вы* (в 3,2 раза) – *мы* (в 7,9 раз). Следовательно, во фразеологизмах чаще используется указание «на лицо, не принимающее участие в речи (т.е. не на говорящего и не на собеседника), а также вообще на предмет, о котором идёт речь» [7, с. 531].

Возникает вопрос, является ли частотная последовательность результатом особого критерия, используемого при отборе личных местоимений для включения их в структуру фразеологизма, или частотность их употребления во фразеологизмах подчинена общим принципам коммуникации, а значит, проявляется и вне фразеологии. Для ответа требуется сопоставление частотности этих местоимений, использованных во фразеологизмах, с частотностью их в свободных сочетаниях текста. Но при анализе приходится пренебречь тем, что в частотность местоимений, представленную в частотных словарях, может входить также частотность местоимений, извлеченных не только из свободных сочетаний, но и из фразеологизмов. Такое допустимо потому, что их количество по сравнению с огромным количеством свободных сочетаний в текстах настолько незначительно, что их можно считать отсутствующими.

Данные «Частотного словаря русского языка» (далее «ЧСРЯ») [10] позволяют выстроить следующую частотную последовательность по нисходящей: *он* 25213 (*он* 13143, *она* 5836, *оно* 522, *они* 5712), *я* 13839 (в 1,8 раза реже), *вы* 6547 (в 3,9 раз), *ты* 6475 (в 3,9 раз), *мы* 6220 (в 4,1 раза). Обращение к другому частотному словарю, к «Частотному словарю русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка)» О.Н. Ляшевской и С.А. Шарова (далее «ЧССРЯ НКРЯ») [3], дало возможность определить такую частотную нисходящую последовательность: *он* 22628.6 (*он* 11791.1, *она* 5592.4, *они* 4850.4, *оно* 394.7), *я* 12684.4 (в 1,8 раза реже), *мы* 4704.8 (в 4,8 раз), *ты* 3171.2 (в 7 раз), *вы* 2906.4 (в 7,8 раз). Полученные по частотным словарям последовательности нужно сопоставить с последовательностью личных местоимений, выявленной в пределах фразеологизмов:

«ФСРЯ»:	<i>он</i> – <i>ты</i> – <i>я</i> – <i>вы</i> – <i>мы</i>
«ЧСРЯ»:	/ <i>он</i> – <i>я</i> – <i>вы</i> – <i>ты</i> – <i>мы</i> /
«ЧССРЯ НКРЯ»	[<i>он</i> – <i>я</i> – <i>мы</i> – <i>ты</i> – <i>вы</i>].

Как видно, на доминирующую частотность личного местоимения 3-го лица не оказывает влияния использование его в структуре фразеологизма или вне его. Возможно, это касается также минимальной частотности местоимения *мы*. Но это предположение основано на данных только одного словаря – «ЧСРЯ» (данные «ЧССРЯ НКРЯ» иные). Сравнение местоимений по частотности показывает, что во фразеологизмах местоимение *ты* более частотно, чем вне фразеологизмов; местоимения же *я* и *вы*, наоборот, менее частотны. Следовательно, для ситуации обобщения уровня фразеологизации типичнее указание на собеседника, чем на говорящего, занимающее по частотности также второе место, но вне фразеологизмов. Значит, в процессе коммуникации для говорящего больший интерес представляет не столько он сам, сколько слушающий.

Обращение к анализу частотности употребления падежных форм личных местоимений во фразеологизмах показывает, что в целом доминирующей является

форма винительного падежа (69 случаев): *бес дёрнул меня* за язык, *пес <его> знает*, *разрази [порази] тебя [его, её, вас, их]* гром (громом), *чёрт [бес, леший нелёгкая]* дёрнул *меня [тебя, его, её, нас, вас, их]* за язык, *чёрт <его> знает*, *шут <его> знает*, *шут меня возьми* и др. На втором месте – формы именительного падежа (28 случаев): *<и> мы пахали*, *будь ты [он, она, оно, вы, они <трижды>]* проклят, *будь ты [он, она, оно, они]* неладен, *будь я <трижды> проклят*, *не я буду*, *если не..., что ты говоришь (вы говорите)?* Третье место занимают формы дательного (а) и творительного (б) (по 16 случаев); см. соответственно: *провалиться мне* на этом месте, *типун тебе [ему, ей, вам, им]* на язык, *имя <же> им* легион, *вот <тебе> бог*, *а вот и порог*, *не сойти мне с этого места* // *бес с ним*, *бог [Христос] с тобой [с ним, с ней, с вами, с ними]*, *пёс с ним*, *прах с ним*, *нами* крестная сила! *чёрт [бес, леший, шут, пес, хрен, прах] с ним [с тобой, с ней, с вами, с ними]*, *шут с ним*. В проанализированном материале не были выявлены формы предложного падежа.

По всей видимости, существует зависимость между личным местоимением и доминирующей формой его частотного использования в структуре фразеологизма. Так, местоимение *я* частотно доминирует: а) в форме винительного падежа без предлога со значением прямого объекта: *разрази меня гром*, *убей [побей] <меня> бог*, *только меня и видели*, *разрази меня гром*, *черт меня возьми*, *черт меня дернул*, *черт дернул меня за язык* (10,6%); б) в меньшей степени, в 1,7 раза, в форме дательного (6,1%): *провалиться мне на этом месте*. Местоимение же *ты* преобладающе используется: а) в форме дательного падежа: *вот тебе и весь сказ*, *вот <тебе> бог*, *чтоб тебе повылазило*, *типун тебе на язык* (16,7%); б) в меньшей степени – в форме именительного падежа: *будь ты неладен*, *будь ты трижды проклят* (12,1%).

Полученные количественные соотношения употребления падежных форм личных местоимений в принципе соответствуют общим данным об употреблении падежных форм, т.е. не ограниченным только личными местоимениями. Так, в «Частотном словаре современного русского языка» Э. Штейнфельдта (на корпусе текстов объемом 400000 слов) отмечено, что из 100 случаев падежного употребления 76 приходится на именительный, родительный и винительный падежи [12].

Интересно выяснить, влияет ли форма числа личного местоимения на выбор его для функционирования в структуре фразеологизма. При этом признаются ставшие уже общепринятыми положения: «Категория числа у личного местоимения *он* – в отличие от местоимений *я*, *ты*, *мы* и *вы* – это словоизменительная морфологическая категория...» [7, с.533]; «*Я*, *ты* не имеют множественного числа. Мн о г о я, мн о г о ты – эти понятия не могут непосредственно выражены грамматическими средствами. Местоимения *мы*, *вы* имеют другие значения. *Мы* (если это слово не относится к одному я), обозначает я и ещё кто-нибудь другой или другие» [1, с. 265]: «Противопоставление по числу внутри парадигмы имеют местоименные существительные *он*, *она*, *оно*. Формы множественного числа у этих лексем омонимичны...Личные местоименные существительные *я*, *ты* и *мы*, *вы* нельзя рассматривать как связанные только противопоставлением по числу. Ведь *мы* – это не ‘много я’, но ‘я и другие’; *вы* – это не ‘много ты’, а ‘совокупность различных лиц’ [8, с. 459-460]: «...местоименные существительные *я*, *ты*, *мы*, *вы* выступают как чуждые идее счёта» [5, с. 133]. Таким образом, соотношение форм единственного и множественного числа *я / мы*, *ты / вы* рассматривается как нечто аналогичное формам единственного и множественного числа вещественных (*молоко / сливки*) или абстрактных существительных (*счастье / каникулы*).

Сопоставление частотности личных местоимений как в структуре фразеологизмов, так и вне их показывает, что в обоих случаях форма единственного числа более востребована по сравнению с формой множественного числа. Следовательно, на частотность форм числа включение в структуру фразеологизмов не оказывает влияния. См. данные приведённой таблицы.

Таблица

Частотность форм единственного и множественного числа личных местоимений

Данные «ФСРЯ»	Данные «ЧСРЯ»	Данные «ЧССРЯ»
я 21 - мы 7 (в 3 раза меньше)	я 13839 – мы 6220 (в 2,2 раза меньше)	я 12684.4 – мы 4704.8 (в 2,7 раза меньше)
ты 29 - вы 17 (в 1,7 раза меньше)	ты 6475 – вы 6547 (приблизительно в 1,0 раза)	ты 3171.2 – вы 2906.4 (в 1,1 меньше раза)
он (он, она, оно) 40 – они 15 (в 2,7 раза меньше)	он (он, она, оно) 19501 – они 5712 (в 3,4 раза меньше)	он (он, она, оно) 22628.6 – они 4850.4 (в 4,7 раз меньше)

Обобщая сказанное, перечислим результаты проведённого анализа.

1. Все личные местоимения (при понимании их в узком смысле слова) функционируют в структуре фразеологизмов.
2. Во фразеологизмах по частотности употребления местоимения располагаются в следующей нисходящей последовательности: *он* → *ты* → *я* → *вы* → *мы*. Это отражает повышенное внимание к не участвующему в речи, на который указывается с помощью местоимения 3-го лица. К собеседнику *ты* оно также выше, чем к говорящему *я*. В принципе такой результат о доминировании дают и частотные словари с извлечениями из текстов с местоимениями, как правило, в свободных сочетаниях и крайне редко в структуре фразеологизмов.
3. Частотность во фразеологизмах падежных форм личных местоимений может быть охарактеризована по следующей нисходящей последовательности: форма *винительного падежа* → *именительного* → *дательного и творительного*. В проанализированном материале не были зафиксированы формы предложного падежа. Максимально же доминирующей (со значительным отрывом) оказалась форма винительного падежа. Полученный вывод в принципе соответствует выводу, представленному в частотном словаре, т.е. сделанному на основе функционирования падежных форм в преобладающе свободных сочетаниях.
4. Во фразеологизмах и вне их, в свободных сочетаниях, преобладают формы ед. числа по сравнению с формами мн. Следовательно, нисходящая частотность может быть представлена так: *форма ед. числа* → *форма мн. числа*. Это позволяет предположить, что к типизации, свойственной фразеологизмам, более склонно указание на количество, равное 1.

Перечисленные выводы позволяют высказать предположение, что при выборе личных местоимений для включения их в структуру фразеологизма носители русского языка используют те же принципы, что и включении их в свободное сочетание. Таким образом, статистические данные представляются важными для дальнейшей разработки такого весьма перспективного направления, как коммуникативные стратегии [2].

1. Виноградов В.В. Русский язык. М.: Высшая школа, 1972. - 614 с.
2. Гранева И.Ю. Местоимение мы в современном русском языке: коммуникативно-прагматический подход: автореф. дис. ...канд. филол. наук. Киров. 2009. – 27 с.
3. Ляшевская О.Н., Шаров С.А. Частотный словарь современного русского языка. М.: Азбуковник, 2009. – 1112 с.
4. Махракова И.Р. Фразеологизмы с личными местоимениями // <https://otvet.mail.ru/question/181401376>.

5. Милославский И.Г. Морфологический категории современного русского языка. М.: Просвещение, 1981. – 254 с.
6. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении М.: Языки славянской культуры, 2001. – 544 с.
7. Русская грамматика. Т. I. М.: Наука, 1982. – 784 с.
8. Современный русский язык /Под ред. В.А. Белошапковой. М.: МГУ, 1980. - 800 с.
9. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. М.: Советская энциклопедия, 1968. – 544 с.
10. Частотный словарь русского языка / Под ред. Л.Н. Засориной. М.: Русский язык, 1977 (на материале 1 млн. слов). – 936 с.
11. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. М.: УРСС, 2001. – 624 с.
12. Штейнфельдт, Э.А. Частотный словарь современного русского языка. Таллин, 1963. – 316 с.

Журавлев Н.С.

Особенности передачи вводных слов и конструкций в русско-английском переводе (на материале сайтов Президента и Правительства РФ)

*Московский городской педагогический университет
(Россия, Москва)*

doi: 10.18411/spc-26-07-2020-03

idsp: sciencepublic-26-07-2020-03

*Научный руководитель
Иванова А.М.*

Аннотация

В работе рассматриваются некоторые особенности передачи вводных слов и конструкций в русско-английском переводе на примере материалов правительственных сайтов. В процессе работы проведен анализ семантической типологии вводных слов и конструкций, в ходе которого было выявлено, что для русскоязычного политического дискурса особенно характерны вводные слова и конструкции, выражающие различную степень достоверности высказывания. Проведенный анализ качественно-количественной выборки основных способов перевода вводных слов и конструкций с русского языка на английский позволил сделать вывод, что наиболее частотным способом перевода вводных элементов является подбор полного или частичного эквивалента, а их сохранение – обязательное условие качественного перевода.

Ключевые слова: вводные слова и конструкции, политический дискурс, семантическая типология, эквиваленция.

1 ВВЕДЕНИЕ

Политическая деятельность играет важную роль в жизни общества. Определенная политическая ситуация или позиция оказывает большое влияние на место страны на международной арене, на ее взаимоотношения с другими государствами, а также на ее роль в деятельности мирового сообщества. Речь политического деятеля содержит в себе необходимое количество синтаксических и лексических средств для простоты восприятия и абсолютного ее осмысливания. Нередко для структурированности, упорядоченности и достоверности выражений в ней употребляются вводные слова и конструкции. Роль вводных слов невозможно преуменьшить, так как они исполняют важнейшие функции политического дискурса. Из-за этого в задачу переводчика входит сохранение их семантического соотношения и коммуникативной интенции автора.

Исследования различных аспектов политического дискурса является актуальной задачей современной лингвистики и представлены в значительном количестве работ (Липченко 2011, Горшкова 2014, Уханова-Шмыгова 2000, Рамбердиева 2016, Шейгал 2000, Базылев 2005, Баранов 2001, Баранов, Казакевич 1991, Ван Дейк 2001,